

Patryk Witzak

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz, Polska

ИВАН БУНИН В ВОСПОМИНАНИЯХ Н. БЕРБЕРОВОЙ, И. ОДОЕВЦЕВОЙ И З. ШАХОВСКОЙ

Ключевые слова: *мемуаристика русской эмиграции, Иван Бунин, Нина Берберова, Ирина Одоевцева, Зинаида Шаховская*

С полной уверенностью можно констатировать, что Иван Алексеевич Бунин является наиболее известным писателем-эмигрантом, жизнь которого, как творческая, так и личная, все время вызывает живой интерес. Неоспоримо, что на значимость Бунина большое влияние оказал факт присуждения ему в 1933 году Нобелевской премии. Ведь автор *Солнечного удара* был первым русским писателем, который получил эту награду¹. Насколько феноменальной личностью представлялся Бунин, указывает интерес к его творчеству польских ученых. Хотя по политическим причинам в послевоенные годы произведения российских эмигрантов не издавались и не переводились, уже в 1970-е годы в польском литературоведении появляются, как это определяет А. Пашкевич, «первые ласточки исследований» первой волны российской литературной эмиграции². Бунин занимает почетное место среди объектов исследований польских литературоведов, на что указывала в своей обзорной статье о восприятии литературы русской эмиграции в Польше И. Мянowska³.

Лауреат Нобелевской премии Октябрьскую революцию воспринял враждебно. В 1918 году он переехал в Одессу, откуда два года позже эвакуировался на фран-

---

¹ Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж-Москва 1996, с. 67.

² А. Пашкевич, *Первая волна российской эмиграции в лаборатории польских исследователей*, [в]: *Литература русского зарубежья (1920-1940). Взгляд из XXI века*, Санкт-Петербург 2008, с. 237.

³ J. Mianowska, *Восприятие прозы русской эмиграции в Польше в 1989-е-2005-е годы*, [в]: *Z polskich studiów slawistycznych, seria XI. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka. Prace na Międzynarodowy Kongres Slawistów w Ochrydzie 2008*, ред. L. Suchanek и K. Wrocławski, Warszawa 2008, с. 107-116. Стоит назвать хотя бы некоторые важнейшие работы, посвященные И. Бунину: А. Majmieskułow, *Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina*, Bydgoszcz 1982; М. Matecka, *Impresjonizm we wczesnej prozie I. Bunina i B. Zajcewa*, Lublin 1995; I. Malej, *Impresjonizm w literaturze rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Wybrane zagadnienia*, Wrocław 1997; К. Cieślík, *Iwan Bunin. Zarys twórczości*, Szczecin 1998; J. Brzykcy, *Poezja emigracyjna Iwana Bunina*, Toruń 2009.

цузском корабле и через Константинополь, Софию и Белград попал весной 1920 года в Париж, а затем в Грасс, в котором пришлось ему жить до конца своих дней, т.е. до 1953 г.⁴

Так как целью нашего исследования является личность И. Бунина, стоит обратиться к некоторым критическим оценкам автора *Жизни Арсеньева* литературоведами и писателями, и на их фоне показать писателя и поэта, отраженного в эго-документах «дочерей эмиграции»⁵. О творчестве Бунина написано очень много и на родине писателя, и в русском зарубежье. Георгий Адамович констатировал, что «нет другого русского художника, о котором так было бы трудно писать, как о нем... Часто приходилось задумываться, ощущая это препятствие»⁶.

Борис Зайцев подчеркивал влияние эмиграции на творчество Ивана Бунина. В его заметках, оценивающих литературу лауреата Нобелевской премии, сказано: «Изгнание даже пошло ему на пользу. Оно обострило чувство России, невозвратности, сгустило и прежде крепкий сок его поэзии»⁷. Автор *Путешествия Глеба* писал также: «Всегда он [И. Бунин – П.В.] мне „нравился“. С самых юных лет, когда я был начинающим писателем, а он уже известным, он мне именно нравился «бессмысленно и бездумно: как нравится лицо, закат, запах леса»⁸. Поклонником Бунина был и Марк Алданов. Дружба писателей, столь различных по характеру, продолжалась 37 лет. Алданов часто советовался с Буниным во время создания своих произведений⁹. 19 ноября 1952 г. Алданов писал автору *Жизни Арсеньева*: «Вы единственный человек, мнение которого мне по-настоящему важно»¹⁰. Мастер исторического романа утверждал, что Бунин – это классик, и ставил его в один ряд с великими российскими писателями прошлого¹¹.

Творчество Ивана Алексеевича Бунина характеризуется противоположностью. А. Смирнова отмечает, что принцип противопоставления Бунин использует в публицистической книге-дневнике *Окайнные дни*. В этом произведении фраза становится длинной и замедленно-плавной, а в рассказе о революционных событиях – короткой и «рваной»¹². Интересным является мнение о Бунине М. Горького, который ценил талант автора *Темных аллей*, но хуже оценивал характер художника: «Талантливейший художник русский, прекрасный знаток души каждого слова, он – сухой, недобрый человек, людей любит умом, к себе – до смешного бережлив. Цену себе знает, даже несколько переувеличивает себя в своих гла-

⁴ Э. Даниелян, *Литература русского зарубежья (1920-1940)*, Ереван 2005, с. 33.

⁵ «Эмигрантскими дочерьми» Н. Берберову, И. Одоевцеву и Г. Кузнецову в своей статье назвала О. Демидова. См.: О. Демидова, «*Эмигрантские дочери*» о себе. *Варианты судьбы*, [В]: *Литература русского зарубежья...*, с. 58.

⁶ Г. Адамович, *Литература в „Русских записках“* [№ 20/21], „Последние новости“ 1939, № 6759, с. 3.

⁷ Цит. по: В. Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998, с. 194.

⁸ *И.А. Бунин в воспоминаниях современников*, на сайте: http://lit-helper.ru/p_I_A_Bunin_v_vospominaniyah_sovremennikov (09.12.2012).

⁹ М. Грин, *Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным*, „Новый журнал“ 1965, № 80, с. 258.

¹⁰ Цит. по: А. Чернышев, «*С подлинным верно*», [В]: М. Алданов, *Повесть о смерти. Бред*, Москва 1999, с. 14.

¹¹ Там же.

¹² *Литература русского зарубежья (первая волна эмиграции: 1920-1940 годы)*, Учебное пособие в 2-х частях, ч. I, под общей ред. А. Смирновой, Волгоград 2003, с. 36-37.

зах, требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким ему, умеет жестоко пользоваться ими. Сколько интересного можно рассказать о нем!»¹³. Автор одного из первых учебных пособий по литературе русского зарубежья В. Агеносов указывает также на поэтику и лиризм прозы Бунина: «С удивительной тонкостью рисует писатель русскую природу. Самые обыденные ее явления наполняются у Бунина лиризмом, становятся поэтическими видениями»¹⁴. Критики едины в том, что Бунин является великолепным мастером слова и отдают дань уважения его огромному таланту.

В отличие от оценки творчества Бунина, в критике нет единого мнения о его философско-эстетической позиции. Философ русского зарубежья И. Ильин видел в Буине великого художника, не сумевшего тем не менее подняться до высот христианского религиозного сознания. Бунин в работе Ильина оценивается как экзистенциальный, трагичный писатель¹⁵. Советские критики доказывали противоположную мысль, что Бунин утвердил своим творчеством победу жизни над смертью. Как констатирует В. Агеносов, истина лежит посередине¹⁶.

На фоне критических мнений, касающихся Бунина, целесообразно представить личность автора *Жизни Арсеньева*, запечатленную в воспоминаниях Н. Берберовой, И. Одоевцевой и З. Шаховской.

Сравнительно много о Буине в автобиографии *Курсив мой* писала Н. Берберова и, как заявляет Е. Витковский, советские буниноведы разъярились на берберовские «рассказы»¹⁷. И. Мянговска замечает, что книга Берберовой вызвала разные, часто отрицательные толки, поскольку в ней речь идет не только об одном авторе, но и о других представителях русской эмиграции¹⁸. Так как Бунин был первым из эмигрантов, чье творчество попало в СССР, образ писателя, нарисованный Берберовой, портит советским литературоведам Бунина как идеал. Из-за специфического подхода к личности автора книги *Окаянные дни* Берберову стали обвинять даже в симпатии к фашистам во время оккупации Парижа¹⁹. Не без значения в освещении личности Бунина Берберовой был факт, что писатель не любил жены Ходасевича как человека из-за свойственной ей злобности. Гуль приводит даже двустушие, написанное Буниным в 1946 году в газете „Русская мысль”, которое Берберова не могла ему простить: «В „Русской мысли” стервы вой/ Сохрани меня Бог от Берберовой»²⁰.

Почему отражение Бунина Берберовой вызвало такие резкие отклики? Преж-

¹³ Цит. по: А. Нинов, *М. Горький и Ив. Бунин, История отношений. Проблемы творчества*, Ленинград 1973, с. 5.

¹⁴ В. Агеносов, *Литература русского зарубежья...*, с. 196.

¹⁵ И. Ильин, *О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев*, Мюнхен 1959, с. 29-81.

¹⁶ В. Агеносов, *Литература русского зарубежья...*, с. 202.

¹⁷ Е. Витковский, *Почерк Петрарки*, [в]: Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996, с. 15.

¹⁸ И. Мянговска, „Арион эмиграции”: Владислав Ходасевич в воспоминаниях Нины Берберовой *Курсив мой*, „Acta Polono-Ruthenica” 2008, № XIII, с. 99.

¹⁹ Е. Витковский, *Почерк Петрарки...*, с. 15.

²⁰ Р. Гуль, Рец.: *N. Berberova. The Italics Are Mine. Translated By Philippe Radley. Harcourt, Brace And World, Inc. New York. 1969*, [в]: *Критика русского зарубежья*, т. 2, Москва 2002, с. 219.

де всего потому, что писательница очень уважаемую в литературных и культурных кругах личность показала ироническим и даже комическим образом. Этот комизм чувствуется уже в описании первой встречи Берберовой с Буниным, во время которой писательница обратила внимание на страх писателя входить в лифт, о чем шутливо вспоминала в своем *Курсиве*. Читая этот фрагмент воспоминаний, можно также догадаться, что уже с самого начала знакомства между Ниной Берберовой и Иваном Буниным возникла дистанция. Берберова, описывая, как Бунин относится к собеседникам при первой встрече, противопоставляла его Мережковским, которые «учиняли» собеседнику некий экзамен. Бунин все время, когда говорил, поглядывал на собеседника, стараясь угадать, какое он сам производит впечатление²¹.

То, что особенно выводило из равновесия буниноведов – это, по Е. Витковскому, приведенные Берберовой забавные рассказы, касающиеся Бунина: о том, как выпивал у себя на кухне с выпущенным из тюрьмы коллаборационистом Клягиным, выставляв в переднюю полный до краев ночной горшок, о том, как любил «детскую матерщину», как попался в поезде на безбилетном проезде, и, наконец, о том, как нюхал цыпленка, прежде чем его съесть²². Автор *Железной женщины* так вспоминает один из обедов с Буниным: «<...> после разговоров, чтения вслух, долгого лежания в креслах на площадке <...> вдруг за обедом он собрался понюхать цыпленка, прежде чем его есть, я спокойно остановила его руку: я знала, что он это делает всегда – и за столом у Цетлиных, и в наилучшем парижском ресторане, и у себя дома. Нет, – сказала я, – Иван Алексеевич, у меня вы нюхать цыпленка не будете. <...> – Ай да женщина! – весело сказал он. <...> – Только как же не нюхать? Дворянин тухлятину есть не может. – Здесь, – сказала я, – вам тухлятины не дадут»²³.

Из цитаты следует, что великий художник представлен здесь как человек, который ведет себя, как мальчик, и не соблюдает этикет. Мемуаристка очень резко оценивала также характер Бунина. В этой связи она писала: «Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносил и в литературу. Он не то что раздражался, он приходил в бешенство и ярость, когда кто-нибудь говорил, что он похож на Толстого или Лермонтова, или еще какую-нибудь глупость»²⁴.

Берберова подчеркивала, что писатель был груб с женой, со знакомыми и незнакомыми. Ему нравилось после грубости сказать что-нибудь ласковое или отвесить старинный поклон. Однако время от времени мемуаристка старалась оправдывать его поведение: «<...> грубость в словах, в поведении, грубость его интеллекта была отчасти прикрытием, камуфляжем»²⁵. По справедливым словам Г. Струве, Берберова не была единственным писателем, представляющим Бунина межвоенного периода в негативном свете. Исследователь замечает, что отрицательное отношение к Бунину чувствовалось также в широких кругах писателей-эмигрантов младшего поколения²⁶.

²¹ Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996, с. 292.

²² Е. Витковский, *Почерк Петрарки...*, с. 16.

²³ Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография...*, с. 297-298.

²⁴ Там же, с. 294.

²⁵ Там же, с. 298.

²⁶ Г. Струве, *Русская литература...*, с. 170.

Берберова, выстраивая образ Бунина, указывает также на слабость писателя и пишет: «он боялся мира и людей»²⁷. Грубость прозаика писательница объясняет также эгоизмом Бунина. Она считала, что: «<...> у Бунина не было чувства людей, у него в сильной степени было чувство себя самого; и при его почти дикарском эгоцентризме Бунин вовсе не умел ни брать, ни давать в личном общении»²⁸. Г. Ермоленко считает, что определяющее влияние на творчество и личность лауреата Нобелевской премии оказали переживания, связанные с событиями революции и гражданской войны²⁹, о чем Берберова не вспоминает. Мемуаристка причин поведения Бунина ищет только в его характере, а не в его печальной судьбе, прежде всего в исходе из России.

Автор книги *Курсив мой* в отрицательном свете вспоминает дискуссию о русской литературе и даже обвиняет Бунина в том, что он не имел о ней понятия. С писателем было сложно разговаривать, потому что было много тем, которых нельзя было касаться в разговорах. Это были, например, темы символистов, собственных стихов Бунина, русской политики, смерти, современного искусства, а также романов Набокова³⁰. Берберова писала в этой связи: «Символистов – Бунин – «стирал в порошок»; к собственным стихам относился ревниво и не позволял суждений о них <...> смерти он боялся, злился, что она есть; искусства и музыки не понимал вовсе, имя Набокова приводило его в ярость»³¹.

Мемуаристка вспоминает, что были случаи, когда Бунин «распускался» и появлялась какая-то нить между ним и Берберовой, но эти случаи возникали очень редко, и прежде всего после бутылки вина. На следующий день никакой нити уже не оказывалось³². Окончательное расхождение Берберовой и Бунина произошло в 1948 году, когда Бунин устроил вечер чтения своих воспоминаний. Нина Берберова так вспоминает это событие: «И в тот момент, когда он, с наслаждением произнося каждое слово, доказывал, что Блок – ничтожество, я подумала, что вот наступила минута, когда надо встать и выйти из зала. <...> В несколько секунд прошло передо мной и все литературное величие написанных Буниным книг, и все личное, что связывало меня с ним за двадцать пять лет нашей дружбы, и охлаждение в последние годы <...>. Я сейчас же встала, не трахнув сиденьем, не стуча ногами, пошла к дверям»³³.

Интерес может вызвать в вышеприведенной цитате название отношений с Буниным «дружбой», а не просто «знакомством». На наш взгляд, несмотря на всю негативную характеристику Бунина, созданную в *Курсиве*, Берберова все же уважала автора *Жизни Арсеньева*, и ее отношение к нему не было настолько холодным, насколько может казаться на первый взгляд. Подтверждением этого тезиса может быть часть библиотеки Н. Берберовой, купленной французским сла-

²⁷ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 298.

²⁸ Там же, с. 306.

²⁹ Г. Ермоленко, «Мифологизация» хронотоп в новеллистике И.А. Бунина 1920-х годов, [в]: *Literackie drogi wobec mitu*, под ред. L. Wiśniewskiej, Wydgoszcz 2006, с. 97.

³⁰ О том, как сложно было вести с Буниным беседы о литературе, в своем дневнике вспоминает также Г. Кузнецова. См.: Г. Кузнецова, *Грасский дневник*, Москва 2008, с. 74, 222, 228.

³¹ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 300.

³² Там же, с. 301.

³³ Там же, с. 296.

вистом Ренэ Герра. Несколько книг из этой коллекции имеет почтительные, полные преклонений дарственные надписи Бунину, что, как отмечает сам Герра, не совсем тождественно мемуарам Берберовой³⁴.

По-другому о Бунине в своих мемуарах *На берегах Сены* писала И. Одоевцева. Начало знакомства писателей имело место в 1926 году на юбилее Бориса Зайцева³⁵. Раньше Бунин оценил рассказ Одоевцевой *Падушая звезда*, который был напечатан в Париже в еженедельной газете „Звено“³⁶. *Падушая звезда* была написана, как заявляет сама Одоевцева, «совершенно неожиданно». Писательница, отказалась писать стихи, которые в эмиграции не были нужны никому, но начала заниматься прозой. После публикации своего рассказа она получила три отклика. Один из них был от Бунина. Редактору „Звена“ Виноверу Бунин прислал открытку с похвальным отзывом о *Звезде*. Одоевцева цитирует окончание этой открытки: «Кто такая Ирина Одоевцева? Пожалуйста, передайте ей мой привет и скажите ей, что хочу с ней познакомиться»³⁷. Под четким почерком «И. Бунин» находилась еще приписка: «Я слышал, что она прелесть какая хорошенькая»³⁸.

Хотя поэтесса еще в Петербурге привыкла к знаменитым поэтам и писателям, она очень волновалась перед встречей с Буниным, но «не из скромности или застенчивости», а оттого, что писатели, с которыми она знакомилась раньше, часто ее разочаровывали. На юбилее Зайцева Одоевцева в первый раз должна была увидеть не только Бунина, но и самого хозяина. На этот раз она не испытала ни огорчения, ни разочарования. Автор *Преподобного Сергия Радонежского* оказался именно таким, каким она его себе представляла, т.е. «по-особенному тихо ласков и прост», но прост «высокой простотой». Зато: «Бунин рядом с ним казался как бы его прямой противоположностью: необычайно величественный, гордый, даже надменный. Он был среднего роста, но держался преувеличенно прямо, горделиво закинув голову. И от этого или оттого, что он был очень строен, казался высоким. Его красивое надменное лицо выражало холодное, самоуверенное спокойствие, но светлые глаза смотрели зорко, пристально и внимательно и, казалось, замечали и видели все – хоть на аршин под землей»³⁹.

Как видно, Одоевцева не испытала разочарования, увидев Бунина. Писатель произвел на молодую поэтессу огромное впечатление уже с первого взгляда. Автора *Баллады о толченом стекле* с Буниным познакомил М. Винавер. Одоевцева, как и Берберова, заметила, что Бунин пытался сразу оценить своего собеседника. Он подал Одоевцевой руку и «не спеша оглядел ее пристальным и холодным взглядом с головы до ног, задержав взгляд на ногах». Бунин похвалил, что мемуаристка не труслива и не пала в обморок от его взгляда, как многие робкие женщины, и посоветовал ей, чтобы всегда писала о страшном или прекрасном, потому что только произведения на такие темы не скучно читать⁴⁰.

³⁴ Л. Звонарева, *Серебряный век Ренэ Герра*, Санкт-Петербург 2012, с. 204.

³⁵ И. Одоевцева, *На берегах Сены*, Санкт-Петербург 2008, с. 327.

³⁶ А. Сабов, *Снова на берегах Невы*, www.belousenko.com/books/Odoevtseva/odoevtseva_sabov.htm (01.05.2012).

³⁷ И. Одоевцева, *На берегах Сены...*, с. 327.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 328.

⁴⁰ Там же, с. 329.

«Маленькая поэтесса с огромным бантом»⁴¹ эту встречу запомнила на всю жизнь. Одоевцева пишет, запомнила «каждый взгляд, каждое слово, сказанное в этот вечер Иваном Буниным»⁴². Впоследствии, после участия в юбилее Бориса Зайцева, мемуаристка, вместе со своим мужем Георгием Ивановым, часто встречалась с Буниным и бывала у него и бунинской супруги, Веры Николаевны в их доме, о чем в своей статье пишет А. Сабов⁴³. Из воспоминаний Одоевцевой вытекает другой облик лауреата Нобелевской премии, чем он запечатлен у Нины Берберовой. К. Кедров утверждает, что портрет Бунина, зарисованный Одоевцевой, развенчивает многие мифы, сложившиеся вокруг имени Нобелевского лауреата⁴⁴. Одоевцева вспоминает: «Он [И. Бунин – П.В.] был неизменно мил с нами и очень забавно передразнивал мою картавость <...>. Он был на редкость замечательным собеседником и рассказчиком. В его присутствии просто нельзя было себе представить, что такое скука»⁴⁵. Поэтесса положительно оценивала и характер Бунина: «В домашнем быту Бунин сбрасывал с себя все свое величие и официальность. Он умел быть любезным, гостеприимным хозяином и на редкость очаровательным гостем, всегда – это выходило само собой – оставаясь центром всеобщего внимания. Он бывал естествен, весел и даже уютен. От величественности не оставалось ни малейшей тени»⁴⁶. В приведенных выше цитатах нет ни одного слова о грубости Бунина, которую отмечала Берберова.

Однако в книге *На берегах Сены* просвечивается и другая сторона характера Бунина, которая уже частично совпадает с воспоминаниями жены Ходасевича. Одоевцева писала, что в гостях Бунин «иногда бывал неприятен и даже невыносим» и вспоминает один из званных обедов, в котором писатель участвовал. На главное блюдо подали телячье жаркое, которое после войны было почти нереально достать. Хозяйка обернулась к Бунину и улыбаясь сказала: «Это я специально для вас, Иван Алексеевич». Но Бунин резко отодвинул подносимое ему горничной блюдо и с вибрирующим от злости голосом сказал: «Кто же не знает, что Бунин телятины не ест?». Бунина никак не смутило, что хозяйка чуть не лишилась чувств и преспокойно принялся есть, поспешно принесенные для него американские консервы⁴⁷.

После войны в 1947 году долгое время И. Одоевцева и Г. Иванов жили в Русском доме в Жуан-ле-Пэн с Буниными. Одоевцева приводит много разговоров с Буниным из этого периода их «совместной» жизни. Однако, как в своей статье замечает Б. Кодзис, в воспоминаниях мемуаристки возникают неточности и ошибки, которые не всегда можно объяснить аберрацией ее памяти. Польский исследователь утверждает, что она часто сознательно приукрашивает прошлое, расцвечивая его художественным вымыслом. Этот художественный вымысел, по мнению

⁴¹ Так И. Одоевцеву называли в литературной среде. См.: А. Колоницкая, *Предисловие*, [в]: И. Одоевцева, *На берегах Невы*, Москва 2009, с. 5.

⁴² И. Одоевцева, *На берегах Невы* (2009), с. 330.

⁴³ А. Сабов, *Снова на берегах...*

⁴⁴ К. Кедров, *Возвращение Ирины Одоевцевой*, [в]: И. Одоевцева, *На берегах Невы*, Москва 1988, с. 7.

⁴⁵ И. Одоевцева, *На берегах Невы* (1988), с. 330.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 332-333.

опольского литературоведа, касается воспоминаний бесед с Буниным на Лазурном берегу. Наряду с ценными для биографии Бунина деталями, Одоевцева вводит в повествование новеллу, рассказанную ей будто писателем во время прогулки. Этот вставной рассказ имитирует стиль *Темных аллей*, но его фон, т.е. кладбище с невероятным совокуплением героев на свежей могиле, напоминают *Вечера на хуторе близ Диканьки* Н. Гоголя⁴⁸. Вероятно, эта новелла является фантазией писательницы. Тем не менее, сведения Одоевцевой о Буине являются полезным материалом для раскрытия его личности. А. Пашкевич считает, что, приведенные Одоевцевой разговоры с Буниным, может быть, и приукрашенные, указывают на то, как писатели понимали свою роль и миссию в эмиграции⁴⁹.

Мало места Бунину в своих воспоминаниях посвятила З. Шаховская, хотя она сама отношения между ней и Нобелевским лауреатом называла «дружбой», которая началась в 1930-е гг. Имя Бунина в книге *Таков мой век* упомянуто лишь в двенадцати местах. Причем шире о писателе Шаховская пишет только в одном фрагменте⁵⁰.

Шаховская называла Бунина последним из мастеров «поэтического реализма», но самому писателю не нравилось это определение. По сравнению с описаниями Берберовой и Одоевцевой, у Шаховской образ лауреата Нобелевской премии представляется наиболее положительным. Она пишет о Буине как об умном человеке, мастере слова, жизнь и творчество которого были сильно связаны с Россией. Однако несмотря на мудрость, писатель не мог освободиться от некоторых комплексов. Как утверждает Зинаида Алексеевна Шаховская, Бунин проявлял к ней большую симпатию и дружескую привязанность, которые с годами возрастали. Она считает, что, может быть, Иван Бунин ценил ее независимость по отношению к нему вкупе с глубоким уважением. Ведь, как заявляет Шаховская, после Нобелевской премии он был окружен и льстецами, и еще большим количеством плутов. Мемуаристка в этой связи писала: «Трудно себе представить, какое количество просителей, легкомыслие которых могло сравниться лишь с их бесстыдством, привлекла к нему [Бунину – П.В.] эта обрушившаяся на старого писателя шведская манна»⁵¹. Писательница приводит текст одного из многих писем, которые получал в то время Бунин: «Как хорошо, что вы получили Нобелевскую премию, нам как раз необходимо переехать на новую квартиру, а денег нет. Пришлите нам скорее такую-то сумму»⁵². Так как Бунин, по мнению поэтессы, был слаб и беззащитен, он помогал бедным эмигрантам. Одной молодой поэтессе дал деньги на дантиста, кому-то оплатил дорогу из Белграда в Париж, платил за чужие обеды в ресторане. Все это привело к тому, «что он оказался единственным Нобелевским лауреатом, умершим в глубокой бедности»⁵³.

⁴⁸ Б. Кодзис, *Правда факта и художественный вымысел Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены»*, [в]: *Mемуарystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, Studia Rossica XX, под ред. А. Wołodźko-Butkiewicz и L. Łucewicz, t. II, Warszawa 2010, с. 109.

⁴⁹ А. Пашкевич, *Они не начали диалога. Автобиографическая проза Ирины Одоевцевой*, [в]: *Wschód-Zachód. Dialog kultur*, t. 1: *Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej*, под ред. G. Nefaginy, Słupsk 2007, с. 144.

⁵⁰ З. Шаховская, *Таков мой век*, Москва 2006, с. 271.

⁵¹ Там же, с. 338.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Зинаида Алексеевна Шаховская виделась с Буниным в каждый свой приезд в Париж. Она так вспоминает Бунина того времени: «Я восторгалась его живым умом, безупречностью его стиля, а также его абсолютной нравственной негибачемостью. А он мне прощал даже нападки на своего обожаемого Толстого. Иван Алексеевич, – говорила я ему, – Толстой ваш гениален, я не спорю, но признайтесь, он не так уж умен. Когда он описывает то, что видит и чувствует, это прекрасно. Но как только он начинает философствовать, беда!»⁵⁴. Это очень интересное свидетельство, ведь стоит вспомнить, что, по мнению Н. Берберовой, о Толстом с Буниным невозможно было разговаривать. Это была одна из запрещенных тем.

В конце анализа воспоминаний Шаховской о Бунине стоит еще привести рассказ писательницы, касающийся попытки договора между Буниным и Мережковским о разделении Нобелевской премии, несмотря на то, кто из них ее получит. Это очень интересный анекдот, так как И. Одоевцева помнит и пишет о нем по-другому. У Шаховской в этой связи читаем: «<...> Бунин предложил Мережковскому «gentleman's agreement»: пусть тот, кто получит премию, разделит ее с соперником. Но Мережковский, уверенный в том, что премия может достаться только ему, отказался. А она досталась Бунину»⁵⁵. Одоевцева в *На берегах Сены* пишет так: «Однажды, весной 1932 года, Мережковский на одном из воскресений предложил Бунину: – Давайте Иван Алексеевич, заключим пакт. Если мне достанется Нобелевская премия, вам отдам половину, если вам – вы мне. <...> Но Бунин решительно покачал головой: – Ну уж нет, Дмитрий Сергеевич. Не согласен. Заранее заявляю – делиться и не подумаю. Вам присудят – ваше счастье. Мне – мое. Мережковский на минуту весь даже съезжился, глаза его и все лицо поблекли и затуманились, будто в нем погас свет, освещавший его изнутри»⁵⁶. Цитаты доказывают существование в эмиграционной среде двух версий этой истории. Трудно определить, которая из мемуаристок права. Ведь Шаховская признается в том, что она только слышала этот анекдот. Из воспоминаний Одоевцевой ясно не вытекает, участвовала ли она в собрании у Мережковских или только о нем слышала.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что Иван Бунин являлся сложной личностью в эмиграции, которую его современники воспринимали по-разному. Различия появляются также в воспоминаниях Н. Берберовой, И. Одоевцевой и З. Шаховской и касаются прежде всего характера писателя, ибо никто не сомневался, что Бунин являлся одним из наиболее талантливых русских писателей. Берберова пишет о Бунине как о грубом человеке, талантливом, но со сложным характером. У Одоевцевой и Шаховской Бунин представлен как ласковый и замечательный человек. Нужно учитывать, что все описания мемуаристок субъективны и приукрашены, но если проанализировать все написанное о Бунине, можно выстроить образ писателя наиболее близкий истине – это был великий художник слова со сложным характером.

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 335.

⁵⁶ И. Одоевцева, *На берегах Невы* (1988), с. 83.

Библиография

- Адамович Г., *Литература в «Русских записках»* [№ 20/21], „Последние новости” 1939, № 6759.
- Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998.
- Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996.
- Brzykcy J., *Poezja emigracyjna Iwana Bunina*, Toruń 2009.
- Cieślík K., *Iwan Bunin. Zarys twórczości*, Szczecin 1998.
- Витковский Е., *Почерк Петрарки*, [в]: Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996.
- Грин М., *Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниним*, „Новый журнал” 1965, № 80.
- Гуль Р., Рец.: N. Berberova. *The Italics Are Mine. Translated By Philippe Radley*. Har M. Matecka, *Impresjonizm we wczesnej prozie I. Bunina i B. Zajcewa*, Lublin 1995; court, *Brace And World, Inc. New York*. 1969, [в]: *Критика русского зарубежья*, т. 2, Москва 2002.
- Даниелян Э., *Литература русского зарубежья (1920-1940)*, Ереван 2005.
- Демидова О., «Эмигрантские дочери» о себе. *Варианты судьбы*, [в]: *Литература русского зарубежья (1920-1940). Взгляд из XXI века*, Санкт-Петербург 2008.
- Ермоленко Г., «Мифологизация» хронотопа в новеллистике И.А. Бунина 1920-х годов, [в]: *Literackie drogi wobec mitu*, под ред. L. Wiśniewskiej, Bydgoszcz 2006, с. 97-108.
- Звонарева Л., *Серебряный век Ренэ Герра*, Санкт-Петербург 2012.
- И.А. Бунин в воспоминаниях современников, lit-helper.ru/p_I_A_Bunin_v_vospominaniyah_sovremennikov (от 09.12.2012).
- Ильин И., *О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев*, Мюнхен 1959.
- Кедров К., *Возвращение Ирины Одоевцевой*, [в]: И. Одоевцева, *На берегах Невы*, Москва 1988, с. 5-12.
- Кодзис Б., *Правда факта и художественный вымысел Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены»* [в]: *Metuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, *Studia Rossica XX*, под ред. A. Wołodźko-Butkiewicz и L. Łuciewicz, t. II, Warszawa 2010, с. 108-119.
- Колоницкая, *Предисловие*, [в]: И. Одоевцева, *На берегах Невы*, Москва 2009, с. 5-10.
- Кузнецова Г., *Грасский дневник*, Москва 2008.
- Литература русского зарубежья (первая волна эмиграции: 1920-1940 годы)*, Учебное пособие в 2-х частях, часть I, под общей ред. А. Смирновой, Волгоград 2003.
- Majmieskułow A., *Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina*, Bydgoszcz 1982.
- Malej I., *Impresjonizm w literaturze rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Wybrane zagadnienia*, Wrocław 1997.
- Matecka M., *Impresjonizm we wczesnej prozie I. Bunina i B. Zajcewa*, Lublin 1995.
- Мяновска И., «Арион эмиграции»: Владислав Ходасевич в воспоминаниях Нины Берберовой *Курсив Мой*, „Acta Polono-Ruthenica” 2008, № XIII, с. 99-109.
- Mianowska J., *Wspriятие прозы русской эмиграции в Польше в 1989-е – 2005-е годы*, [в]: *Z polskich studiów slawistycznych, seria XI. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka. Prace na Międzynarodowy Kongres Slawistów w Ochrydzie 2008*, ред. L. Suchanek и K. Wrocławski, Warszawa 2008, с. 107-116.
- Нинов А., *М. Горький и Ив. Бунин, История отношений. Проблемы творчества*, Ленинград 1973.
- Одоевцева И., *На берегах Сены*, Санкт-Петербург 2008.

- Пашкевич А., *Они не начали диалога. Автобиографическая проза Ирины Одоевцевой*, [в:] *Wschód-Zachód. Dialog kultur*, t. 1: *Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej*, под ред. G. Nefaginy, Slupsk 2007, s. 144-148.
- Пашкевич А., *Первая волна российской эмиграции в лаборатории польских исследователей*, [в:] *Литература русского зарубежья (1920-1940). Взгляд из XXI века*, Санкт-Петербург 2008, с. 237-245.
- Сабов А., *Снова на берегах Невы*, на сайте: www.belousenko.com/books/Odoevtseva/odoevtseva_sabov.htm (от 01.05.2012).
- Струве Г., *Русская литература в изгнании*, Париж-Москва 1996.
- Чернышев А., «С подлинным верно», [в:] М. Алданов, *Повесть о смерти. Бред*, Москва 1999, с. 6-22.
- Шаховская З., *Таков мой век*, Москва 2006.

Summary

Ivan Bunin in the memories of Nina Berberova, Irina Odoevtseva and Zinayda Shahovskaya

This paper presents I. Bunin's portrait in the memories of the women writers: N. Berberova, I. Odoevtseva and Z. Shahovskaya which were the "first wave" of the younger russian emigration. These memoirs are slightly different from the professional expressions and opinions of the critics and writers in the emigration. Berberova writes about Bunin as a rough man, talented, but with a very difficult personality. On the contrary Odoevtseva and Shahovskaya presented Bunin as a wonderful person. What should be underscored is that all of these memories are subjective.

Key words: *memories of Russian emigration, Ivan Bunin, Nina Berberova, Irina Odoevtseva, Zinayda Shahovskaya*

